

Основы современного евразийства в российском политическом дискурсе

Любина Д. Е.

Высшая школа международных отношений Гуманитарного института Санкт-Петербургского политехнического Университета Петра Великого, Санкт-Петербург, Российская Федерация; lyubina_de@spbstu.ru

РЕФЕРАТ

Набирающие обороты интеграционные процессы на евразийском пространстве подтверждают геополитическое место и роль данного региона в современных международных отношениях. Тем важнее становится понимание основных постулатов концепции евразийства для развития национальных и геополитических интересов России, а также изучения процесса эволюции основных положений классического евразийства в основах современного российского неоевразийства, а также определение основных этапов этого процесса.

Работа основана на анализе публикаций представителей российского неоевразийства, научных трудов зарубежных и отечественных исследователей этого явления в российском политическом дискурсе.

Геополитический вектор евразийской концепции становится наиболее актуальным на современном этапе в условиях повышенного интереса к геополитическому дискурсу и исследованиям взаимодействия, «столкновения цивилизаций».

Для современного российского политического дискурса евразийская тематика стала одним из перспективных внешнеполитических векторов. В настоящее время мы можем наблюдать, как теоретическая концепция классиков евразийства нашла свое отражение во внешней политике России. Евразийский проект стал воплощаться из теории в политическую практику.

Ключевые слова: неоевразийство, российский политический дискурс, геополитика, внешняя политика, евразийская интеграция

Для цитирования: Любина Д. Е. Основы современного евразийства в российском политическом дискурсе // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2020. № 4. С. 120 – 128.

Foundations of Modern Eurasianism in Russian Political Discourse

Daria E. Lyubina

Peter The Great St. Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russian Federation;
lyubina_de@spbstu.ru

ABSTRACT

The growing integration processes in the Eurasian space confirm the geopolitical place and role of this region in modern international relations. Thus it becomes more important to understand the basic postulates of the Eurasianism concept for the development of national and geopolitical interests of Russia, as well as to study the process of evolution of the main provisions of classical Eurasianism in the foundations of modern Russian neo-Eurasianism, as well as to determine the main stages of this process. The work is based on the analysis of publications of Russian neo-Eurasianism representatives, scientific works of foreign and domestic researchers of this phenomenon in the Russian political discourse.

The geopolitical vector of the Eurasian concept is becoming the most relevant at the present stage in the context of increased interest in the geopolitical discourse and research of interaction, the “clash of civilizations”.

For the modern Russian political discourse, the Eurasian theme has become one of the most promising foreign policy vectors. At present, we can observe how the theoretical concept of classic Eurasianism is reflected in Russia's foreign policy. The Eurasian project began to be implemented from theory into political practice.

Keywords: neo-eurasianism, Russian political discourse, geopolitics, foreign policy, Eurasian integration

For citing: Lyubina D. E. Foundations of Modern Eurasianism in Russian Political Discourse // Eurasian integration: economics, law, politics. 2020. No. 4. Pp. 120 – 128.

Введение

Зарождение идей евразийства можно связать с философскими взглядами славянофилов. Но справедливо ради стоит отметить, что к моменту оформления концепции евразийства изменились политические реалии, повлиявшие на формирование идей славянофилов.

Евразийство как социально-философская, геополитическая концепция начала формироваться в 20–30-х гг. XX в. В 1920 г. в Софии увидела свет книга князя Н. Трубецкого «Европа и человечество». Это событие положило начало идейному и политическому движению, которое с тех пор стало называться евразийством.

Одним из основных положений классического евразийства является цивилизационный подход. Для классического евразийства была характерной критика романо-германской цивилизации. Еще одним важным положением классического евразийства является пространственный фактор, связанный, с одной стороны, с теорией «месторазвития», а с другой — с географическим детерминизмом [16, с. 48; 18; 20].

Согласно теории «месторазвития» решающее влияние на культуру и историю народов имеет географическое пространство («место»), где происходит «развитие» народа или государства. Пространственные условия в значительной степени определяют траекторию этого «развития» [19]. Разнообразие ландшафтов нашей планеты порождает многообразие культур. Каждый этнос или нация имеет свою модель развития. Различные типы ландшафтов порождают различные типы цивилизаций. В этом тезисе проявляется географический детерминизм евразийцев. Европейскую цивилизацию породил определенный ландшафт со специфическим климатом, близостью к морским пространствам, относительно небольшим размером территории, влиянием лесных массивов (Северная Европа) и протяженностью прибрежных территорий (Средиземноморье). Кочевые империи скифов и тюрков были предопределены ландшафтами степных массивов, исламская цивилизация — пустынной территориями и т. п. Русско-евразийскую цивилизацию предопределил ландшафт, который представляет собой слияние леса и степи [22].

Одним из тезисов «классиков» евразийства было мнение об уникальности и самобытности русской цивилизации [12; 24; 25]. Также евразийцы первыми среди русских философов и историков переосмыслили влияние татаро-монгольского нашествия на Русь в положительном ключе, увидев в диалектике русско-татарских отношений живой источник евразийской государственности [24; 26; 27].

В евразийской концепции особое место уделялось наличию национальной идеи. Для России такой идеей виделось евразийское мировоззрение. Именно достижению этой идеи должны быть подчинены все аспекты жизни государства: политика, экономика, общественное устройство, промышленное развитие и т. д.

Ландшафтные условия России–Евразии диктуют особую этику модели управления на этом пространстве. Она основана на коллективной ответственности, воле, выносливости, взаимопомощи и подчинении начальству. Именно такая этика может обеспечить контроль и его сохранение над огромными слабозаселенными пространствами лесостепной зоны Евразии.

Особенности «месторазвития» народа, этноса или нации накладывают отпечаток и на особенности политической системы государств. По мнению евразийцев, западная демократия, характерная для европейской цивилизации, не может быть универсальна и для России–Евразии. Участие народа России в политическом управлении должно развиваться на основах общинного самоуправления. Таким образом,

в отличие от Европы в России–Евразии возможно сочетание «европейской демократии» и «евразийского авторитаризма».

Материалы и методы исследования

Развитие азиатского вектора внешней политики России и активизация усилий по развитию и продвижению интеграционных процессов на пространстве Евразии привели к активному анализу идей евразийства в научных работах российских и зарубежных политологов, публицистических материалах в СМИ и в интернете. Современная интерпретация идей евразийства достаточно широко представлена в российском политическом пространстве.

Основой исследования выступают методы анализа и синтеза, классификация и обобщение различных подходов в неоевразийстве с целью выявления основных его направлений, представленных в российском политическом дискурсе.

Дискуссия

По мнению некоторых исследователей евразийства, «основой России является культурно-материальное единство», в отличие от материковых европейских государств, «в основе которых лежит национально-государственное единство» [15, с. 9].

Некоторые современные неоевразийцы основным фактором, определяющим развитие народов, считают этнический и биологический. В то время как классики евразийства роль определяющего фактора отдавали географическому¹. Наиболее близкая позиция неоевразийства к классическому евразийству принадлежит А. С. Панарину [17], «уделяющему большое внимание “духовной интеграции” на постсоветском пространстве» [15, с. 17].

С середины 80-х гг. XX в. в Советском Союзе начинает формироваться правое неоевразийство на базе патриотических некоммунистических элит. Первые неоевразийские публикации появляются в 1989 г. в журнале «Советская литература». В этом периоде неоевразийства основной акцент ставился на традиционализм. В публикуемых исследованиях преобладают философские и теоретические аспекты.

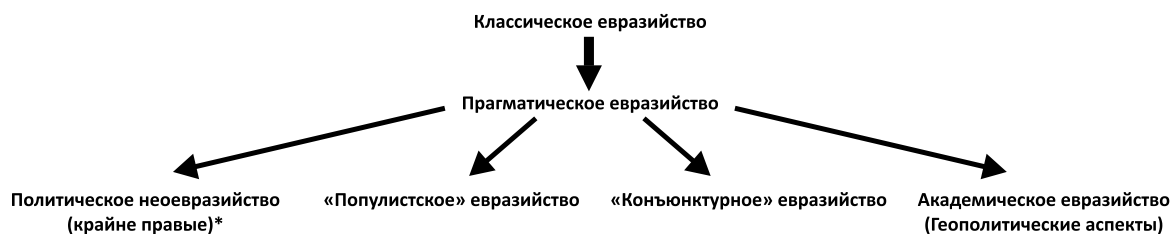
Накануне распада Советского Союза евразийство возникло вновь в российском политическом дискурсе как противовес «новому мышлению» М. Горбачева. Концепция взаимозависимости России и Запада, предложенная Горбачевым, представлялась как инициатива, которая приведет к ослаблению России, зависимости от других государств и потере своих союзников. Когда распался СССР, неоевразийство перешло в ранг политического движения и пропагандировалось всеми политическими силами от «правых» до «левых».

Некоторые исследователи отмечают «концептуальную дифференциацию» в подходах к изучению евразийства, выделяя восточное и западное евразийство [13, с. 62]. Основное различие между ними лежит даже не в политической, а в сущностной плоскости.

По мнению С. В. Базавлука, распад Советского Союза явился триггером к «развитию евразийских концептов и встраиванию их в теорию классической геополитики» [3, с. 279]. После распада Советского Союза происходит сближение неоевразийства с патриотической оппозицией. На базе евразийской парадигмы начинает формироваться новая геополитическая парадигма для России. Неоевразийство пополняет свой багаж политологическими и экономическими теориями. В этот период неоевразийство начинает приобретать популярность среди патриотической оппозиции, а также предпринимается одна из первых попыток пересмотреть евразийство в либерал-демократическом ключе.

В работе Т. С. Киневой [9, с. 1–2] предпринята попытка классификации современного евразийства на основе анализа диссертационных работ, посвященных данной проблеме (Сим Бом Сик, С. И. Данилов, М. А. Гавриш, А. В. Самохин).

¹ *Matern F.* The Discourse of Civilization in the Works of Russia's New Eurasianists: Lev Gumilev and Alexander Panarin [Электронный ресурс] // YorkSpace institutional repository. 2007. URL: <http://www.yorku.ca/yciss/activities/documents/PCSPPaper002.pdf> (дата обращения: 06.04.2020).

* по М. Ларюэль

Рис. 1. Классификация направлений евразийства на основе работы Т. С. Киневой

Переосмысливая различные существующие классификации современного евразийства, представленные в российском академическом поле и нашедшие свое отражение в политическом дискурсе, можно выделить несколько наиболее отчетливо оформившихся течений неоевразийства: евразийцы «нового правого» толка, коммунисты-евразийцы и демократы-консерваторы.

Движение «новых правых» возникло в самом начале 1990-х как интеллектуальное течение и политическая сила в противовес западным устремлениям Советского Союза. Главными представителями этого направления неоевразийства можно считать А. Проханова и А. Дугина. В своих публикациях в еженедельнике «День» и «Элементы» они предлагали идею новой евразийской империи, преемницы Советского Союза, и создания «Великой России» путем усиления геополитического положения за счет формирования объединенного славяно-тюркского сообщества.

В 1992 г. выходит публикация Александра Дугина «Великая война континентов»¹. Это время, когда идеи российских неоевразийцев обогащаются современной европейской мыслью.

По мнению Цыганкова, у «новых правых» евразийцев было несколько важных допущений. Первое — это указание на то, что основной целью международных отношений является получение как можно большей силы и влияния на политической арене. Они отрицали взаимодействие между государствами, где результатом будет «игра с нулевой суммой». Во-вторых, «новые правые» евразийцы считали, что основным объектом анализа в международных отношениях является государство или империя. В-третьих, поведение акторов международных отношений зависит как от рациональных, так и от нерациональных предпосылок, таких как национальная гордость, культура и национальная память [29].

«Новых правых» евразийцев можно условно разделить на две ветви: модернисты и экспансионисты [Там же]. Евразийцы-модернисты считают, что основная повестка дня должна быть сконцентрирована на экономическом развитии и наращивании военно-технических разработок.

Модернисты видят Российскую Федерацию продолжением Советского Союза и считают, что приоритетными ценностями в развитии страны должны быть безопасность, стабильность и развитие.

В отличие от модернистов, экспансионисты не видят Россию преемницей Советского Союза. Самым выдающимся мыслителем-экспансионистом является Александр Дугин.

В большинстве своих работ² [5; 6; 7] А. Дугин основывается на идее существования и противостояния друг другу на протяжении всей истории двух типов государств или империй: континентальные, ассоциирующиеся с Римской империей, Германской и Российской империями, и морские, ассоциирующиеся с Карфагеном и Британской империей, так называемые атлантистские цивилизации. Континентальные империи, по мнению Дугина, характеризуются позитивной силой, объединяющей обширные земли и мультикультурное население на добровольной основе и способствующей процветанию добродетели, терпимости и гармонии, как это было заявлено Российской империей в XIX в. В то же время атлантистские цивилизации считаются жадными, эксплуататорскими и эгоистичными, движимыми меркантильным капитализмом и материалистической культурой.

¹ Дугин А. Великая война континентов // Арктогея. Философский портал [Электронный ресурс]. URL: <http://arcto.ru/article/171> (дата обращения: 26.07.2020).

² Имеются в виду следующие работы А. Дугина: Основы геополитики, 1997; Мистерии Евразии, 1996; Евразийский путь, 2002.

По мнению Дугина, в настоящее время атлантизм воплощается в поведении Соединенных Штатов, которые становятся вечным врагом России. Чтобы уравновесить и преодолеть панамериканизм, Россия должна построить евразийский геополитический альянс как союз континентальных держав против морских держав. В экспансионистской теории принципиальным противником являются атлантистские державы, а конечной геополитической и культурной угрозой для России является глобализация. По мнению экспансионистов, космополитизм определяется как мондиализм. Мондиализм является проблемой, которая исходит из западного шовинистического космополитизма, который будет подрывать Россию. По мнению А. Дугина, М. Горбачев и Б. Ельцин — это два лидера, связанные с мондиализмом, которые позволили Западу колонизировать материальную и культурную жизнь России с целью вестернизации и создания единой мировой цивилизации [7]. Поэтому миссия России — объединиться против мондиализма, мобилизовать поддержку из стран ближнего зарубежья, а также из южных исламских государств [Там же].

Приверженцы евразийства из числа коммунистов утверждают, что, вернувшись к коммунизму, Россия выполнит геополитическую судьбу евразийской державы. Апологетом этой неосоветской версии евразийства является Коммунистическая партия Российской Федерации. В 1992 г. партия стала источником новой интерпретации российской геополитики. Лидер партии Геннадий Зюганов, следуя идеям МакКиндера [7; 10], утверждает, что исторически, от Киевской Руси до наших дней, всегда шла непрерывная борьба за удержание гегемонистского положения евразийской державы¹. Сегодняшним противником России является капиталистическая глобализация, которая стремится прочно закрепиться на евразийской территории. Чтобы противостоять волне капиталистической глобализации, Россия должна вернуться в русло коммунизма, чтобы обеспечить себе экономическую и военную мощь. В экономической сфере Россия должна провести либерализацию экономики и вернуться к денационализации экономических отношений в сочетании с социалистической политикой, не жертвуя при этом геополитической безопасностью.

Чтобы оправдать геополитическую миссию России, Г. Зюганов напомнил об идее патриотизма и великодержавия России, поддержав ее историческими символами, такими как Октябрьская революция 1917 г. и Великая Отечественная война, олицетворяющими величие коммунизма. Более того, Г. Зюганов также выделил коммунизм как подлинную идентичность России, которая отличает Россию от Европы. Таким образом, именно России суждено восстановить социализм на территории Евразии и построить взаимодействие между государствами на основе идей социализма и равенства народов. Именно эта идея позволит укрепить России свою мощь и стать гегемоном в Евразии [28].

Евразийские демократы-консерваторы отстаивают идею сочетания сильного государства с демократией западного стиля и неонационализмом. Эта гибридная идея формирует геополитическое видение развития, основанное на государстве, а не на «империи». Они считают, что роль России должна заключаться в осуществлении посреднической функции между Европой и Азией. Основной целью России является сохранение культурных традиций и выстраивание сотрудничества между государствами и народами Евразии, такими как славянские, тюркские, кавказские, монгольские и другие, в рамках национально-культурного пространства. Россия должна играть активную роль на постсоветском пространстве. Наиболее важным регионом для России с точки зрения геополитического интереса является «ближнее зарубежье». Этот термин в политическом дискурсе России обозначает 14 бывших республик Советского Союза. Термин «ближнее зарубежье» также используется для разграничения с термином «дальнее зарубежье», который используется для определения государств Центральной Европы. «Ближнее зарубежье» — это политическое пространство, обозначенное географическими границами, которое связывает память о былом величии России, ее экономические интересы и интересы безопасности, а также ее этническое разнообразие. Однако, в отличие от «новых правых» евразийцев и евразийцев-коммунистов, евразийские демократы-консерваторы считают, что роль России в «ближнем зарубежье» не имперская, а великодержавная. В случае если государство не навязывает себе имперской роли, это означает, что

¹ Зюганов Г. А. География победы: основы российской геополитики [Электронный ресурс] // Демократия.ру. URL: https://www.democracy.ru/library/misk/geopolitics_zuganov/index.html (дата обращения: 18.10.2020).

будет иметь место законное поведение в преследовании интересов государства по отношению к его соседям в рамках норм государственной системы, не основанное на политике доминирования.

Значение «ближнего зарубежья», во-первых, основано на естественной проницаемости границ России. Понятие «граница» рассматривается с двух сторон: внутренние границы и внешние границы. Понятие «внутренняя граница» относится к государственной границе Российской Федерации, в то время как «внешние границы» охватывают всю территорию Евразии. Внутренние и внешние границы взаимосвязаны. Так, незначительный региональный конфликт может легко превратиться в очаг геополитической нестабильности в целом регионе. Например, начало войны в Чечне дестабилизировало и Закавказье, и Грузию, которые также втянулись в сепаратистскую войну. Евразийские демократы-консерваторы определяют эти условия как «геополитический вакуум» и выступают за восстановление роли России в «ближнем зарубежье».

Важность «ближнего зарубежья» обусловлена также экономическими интересами России, которые заключаются в стремлении ускорить политическую и экономическую интеграцию между странами — участницами СНГ и другими акторами в евразийском регионе. Воссоздав экономическую интеграцию в рамках постсоветских государств, Россия повысит свой статус в мировой экономике, и это станет одной из предпосылок для возвращения России в качестве евразийской геополитической державы. Наконец, на территории «ближнего зарубежья» рассредоточено более 25 млн чел. этнических русских. В ряде стран, таких как Эстония, Латвия и Украина, русская диаспора столкнулась с проблемами гражданства, что требует активного вмешательства России для решения этой проблемы.

Подводя итог, можно сказать, что внимание к неоевразийству в российском политическом дискурсе возникло в результате отказа от западно-атлантического вектора [26]. Все ветви неоевразийства отмечали, что происходили ослабления страны и Россия становилась зависимой от внешних сил. Поэтому основной тезис неоевразийцев сводится к необходимости повысить международный статус России путем сочетания националистического и геополитического подходов к определению российской идентичности и национальных интересов России при реализации ее внешней политики.

Идеи консервативного «крыла» неоевразийцев достаточно радикальны, но в то же время пространны. Они выступают против однополярного мира, одновременно отрицая многополярный мир и говоря о необходимости «новой биполярности» [15, с. 18].

Такие противоречивые суждения порождают критику неоевразийства как в России, так и на Западе. Наиболее заметными работами по исследованию раннего евразийства и неоевразийства являются работы французской исследовательницы М. Ларюэль [27]. Во многом на Западе идеи евразийства воспринимаются как платформа для продвижения своих политических интересов неоевразийцами и другими политиками.

Еще одним критиком евразийства и неоевразийства является А. Умланд. Основными его тезисами, по мнению исследователей его творчества, являются следующие умозаключения: «Россия слишком слаба, чтобы сформировать самостоятельный полюс в многополярном мире, а ...Евразийский союз — это временное образование» [2, с. 733].

В настоящее время мы можем наблюдать, как теоретическая концепция классиков евразийства нашла свое отражение во внешней политике России. Евразийский проект стал воплощаться из теории в политическую практику. «Евразийская доктрина ценна тем, что объединяла в себе различные области знания: философию, историю, культурологию, геолингвистику, геополитику, геоэкономику» [23, с. 25].

По мнению Н. В. Рудской, концепция евразийства несет возможность решения сразу нескольких задач: во-первых, Россия «сможет обеспечить свои стратегические национальные интересы», а во-вторых, создать на евразийском пространстве «уникальный феномен притягательности» [18, с. 57].

На сегодняшний день евразийская идея культурного синтеза с сохранением при этом национально-го наследия не утратила актуальности [14]. Последовательное создание ЕврАзЭС, Таможенного союза, а затем и Евразийского союза идеологически близко к классическому евразийству. «Евразийское видение России — не национальное, а геополитическое» [23, с. 27]. Набирающие обороты интеграционные процессы на евразийском пространстве подтверждают геополитическое место и роль данного макроре-

гиона в современных международных отношениях. Тем важнее становится понимание основных постулатов концепции евразийства для развития национальных и геополитических интересов России. По мнению директора Центра интеграционных исследований Евразийского Банка Развития Е. Ю. Винокурова, евразийская идея воспринимается как «альтернатива европейской ориентации России и постсоветских государств», а иногда и как «синоним “особого пути”, по которому должна идти Россия» [4, с. 14]. На современном этапе концепция евразийства в практическом плане трансформировалась в идею интеграционных процессов на евразийском пространстве. В русле современного российского неоевразийства Евразия может стать пространством для взаимодействия широкого круга государств континента, включающего как европейские, так и азиатские страны [Там же]. При этом Россия могла бы играть роль «связующего звена» между двумя противоположными окраинами континента.

В завершение хотелось бы отметить, что концепция евразийства в ее классической и современной интерпретации является в большей степени геополитической концепцией [1]. Одной из основных заслуг евразийства для российской политической школы можно считать создание отечественной школы геополитики. Как отмечает в своей работе, посвященной «Большой Евразии», И. Ф. Кефели, «...проективная функция Евразии как конструкта характеризуется не только богатой историей, но и нацеленностью на реализацию сугубо практических задач жизнеустройства большей части евразийского континента, той самой «России–Евразии», которая представляла основу историософских проектов основателей классического евразийства» [8, с. 63–64]. В связи с этим рассмотрение вопроса основных тезисов евразийской концепции носит не только теоретико-исторический интерес, но и может рассматриваться как проект моделирования геополитического будущего России.

Литература

1. *Абаев Н. В., Фельдман В. Р.* Евразийский проект и будущее России // Вестник Тувинского государственного университета. 2015. № 1. С. 155–158.
2. *Базавлук С. В.* Евразийство: терминологическая амбивалентность // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2018. Т. 18. № 2. С. 273–283. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-2-273-283.
3. *Базавлук С. В.* Критика евразийства и неоевразийства // Постсоветские исследования. 2018. Т. 1, 8. С. 726–735.
4. *Винокуров Е. Ю.* Прагматическое евразийство // Евразийская экономическая интеграция. 2013. № 4 (21). С. 7–20.
5. *Дугин А.* Евразийский путь. М.: Арктогея-Центр, 2002.
6. *Дугин А.* Мистерии Евразии. М.: Арктогея, 1996.
7. *Дугин А.* Основы геополитики. 4-е изд. (дополненное). М.: Арктогея-Центр, 2000. 38 с.
8. *Кефели И. Ф.* Большая Евразия: цивилизационное пространство и проектирование будущего // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2018. № 3. С. 60–68.
9. *Кинева Т. С.* Евразийство в современном идейно-политическом пространстве России // Государственное управление. Электронный вестник. 2009. № 18. С. 1–6.
10. *Маккиндер Х. Дж.* Географическая ось истории // Полис. 1995. № 4. С. 162–169.
11. *Маккиндер Х. Д.* Демократические идеалы и реальность // Полис. Политические исследования. 2011. № 2. С. 134–144.
12. *Маслин М. А., Лупова А. А.* Эволюция евразийской идеи // Русское зарубежье. 2014. № 3. С. 17–75.
13. *Никулина А. А., Торопыгин А. В.* К вопросу о концептуальной основе развития Евразийской интеграции // Управленческое консультирование. 2017. № 3. С. 60–67. DOI 10.22394/1726-1139-2017-3-60-67.
14. *Новоженкина И. В.* Евразийство: ретроспектива или перспектива развития // Современная наука. 2015. № 2. С. 19–22.
15. *Орлик И. И.* Евразийская идея: возникновение и эволюция // Вестник РУДН. Сер.: Всеобщая история. 2010. № 4. С. 7–21.
16. *Очирова Т.* Геополитическая концепция евразийства // Общественные науки и современность. 1994. № 1. С. 47–55.

17. Панарин А. С. Россия в цивилизационном процессе (между атлантизмом и евразийством). М., 1994. 262 с.
18. Рудская Н. В. К вопросу об актуальности русского евразийского проекта в новых геополитических реалиях // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2014. № 2 (196). С. 52–58.
19. Савицкий П. Н. Географические и геополитические основы евразийства // Классика геополитики, XX век: Сб. М. : АСТ, 2003.
20. Савицкий П. Н. Евразийская концепция русской истории. Русские среди народов Евразии. Основы геополитики России // Классика геополитики, XX век: Сб. М. : АСТ, 2003.
21. Савицкий П. Н. Евразийство // Классика геополитики, XX век: Сб. М. : АСТ, 2003.
22. Савицкий П. Н. Континент Евразия. М. : Аграф, 1997.
23. Соколов С. М. Геополитический аспект евразийской концепции // Евразийство и мир. 2014. № 3. С. 25–33.
24. Трубецкой Н. Русская проблема // Классика геополитики, XX век: Сб. М. : АСТ, 2003.
25. Трубецкой Н. С. Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока // Классика геополитики, XX век: Сб. М. : АСТ, 2003.
26. Bassin M. Russia between Europe and Asia: The Ideological Construction of Geographical Space // Slavic Review. 1991. Т. 50, 1.
27. Laruelle Marlène. Le néo-eurasisme russe. L'empire après l'empire? Cahiers du Monde Russe 42 (1). 2001. Pp. 71–94.
28. Smith G. The Mask of Proteus: Russia Geopolitical Shift // Transactions of the Institute of British Geographers. 1999. No. 24 (4). Pp. 481–494.
29. Tsyngankov A. Hard-Line Eurasianism and Russia's Contending Geopolitical Perspectives // East European Quarterly. 1998. No. 32 (3). Pp. 320–334.

Об авторе:

Любина Дарья Евгеньевна, аспирант Высшей школы международных отношений Гуманитарного института Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого (Санкт-Петербург, Российская Федерация); lyubina_de@spbstu.ru

References

1. Abaev N. V., Fel'dman V. R. Evraziiskii proekt i budushchee Rossii // Vestnik Tuvinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2015. № 1. S. 155–158.
2. Bazavluk S. V. Evraziistvo: terminologicheskaya ambivalentnost' // Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya. 2018. Т. 18. № 2. S. 273–283. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-2-273-283.
3. Bazavluk S. V. Kritika evraziistva i neoevraziistva // Postsovetские issledovaniya. 2018. Т. 1, 8. S. 726–735.
4. Vinokurov E. Yu. Pragmaticheskoe evraziistvo // Evraziiskaya ekonomicheskaya integratsiya. 2013. № 4 (21). S. 7–20.
5. Dugin A. Evraziiskii put'. М. : Arktogeya-Centr, 2002.
6. Dugin A. Misterii Evrazii. М. : Arktogeya, 1996.
7. Dugin A. Osnovy geopolitiki. 4-e izd. (dopolnennoe). М. : Arktogeya-Centr, 2002. 38 s.
8. Kefeli I. F. Bol'shaya Evraziya: tsivilizatsionnoe prostranstvo i proektirovanie budushchego // Evraziiskaya integratsiya: ekonomika, pravo, politika. 2018. № 3. S. 60–68.
9. Kineva T. S. Evraziistvo v sovremennom ideino-politicheskom prostranstve Rossii // Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyi vestnik. 2009. № 18. S. 1–6.
10. Makkinder Kh. Dzh. Geograficheskaya os' istorii // Polis. 1995. № 4. S. 162–169.
11. Makkinder Kh. D. Demokraticheskie idealy i real'nost' // Polis. Politicheskie issledovaniya. 2011. № 2. S. 134–144.
12. Maslin M. A., Lupova A. A. Evolyutsiya evraziiskoi idei // Russkoe zarubezh'e. 2014. № 3. S. 17–75.
13. Nikulina A. A., Toropygin A. V. K voprosu o kontseptual'noi osnove razvitiya Evraziiskoi integratsii // Upravlencheskoe konsul'tirovanie. 2017. № 3. S. 60–67. DOI 10.22394/1726-1139-2017-3-60-67.
14. Novozhenina I. V. Evraziistvo: retrospektiva ili perspektiva razvitiya // Sovremennaya nauka. 2015. № 2. S. 19–22.

15. Orlik I. I. Evraziiskaya ideya: vzniknovenie i evolyutsiya // Vestnik RUDN. Ser.: Vseobshchaya istoriya. 2010. № 4. S. 7–21.
16. Ochirova T. Geopoliticheskaya kontseptsiya evraziistva // Obshchestvennye nauki i sovremennost'. 1994. № 1. S. 47–55.
17. Panarin A. S. Rossiya v tsivilizatsionnom protsesse (mezhdru atlantizmom i evraziistvom). M., 1994. 262 s.
18. Rudskaya N. V. K voprosu ob aktual'nosti russkogo evraziiskogo proekta v novykh geopoliticheskikh real'nostyakh // Nauchno-tehnicheskie vedomosti SPbGPU. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki. 2014. № 2 (196). S. 52–58.
19. Savitskii P. N. Geograficheskie i geopoliticheskie osnovy evraziistva // Klassika geopolitiki, XX vek: Sb. M. : AST, 2003.
20. Savitskii P. N. Evraziiskaya kontseptsiya russkoi istorii. Russkie sredi narodov Evrazii. Osnovy geopolitiki Rossii // Klassika geopolitiki, XX vek: Sb. M. : AST, 2003.
21. Savitskii P. N. Evraziistvo // Klassika geopolitiki, XX vek: Sb. M. : AST, 2003.
22. Savitskii P. N. Kontinent Evraziya. M. : Agraf, 1997.
23. Sokolov S. M. Geopoliticheskii aspekt evraziiskoi kontseptsii // Evraziistvo i mir. 2014. № 3. S. 25–33.
24. Trubetskoi N. Russkaya problema // Klassika geopolitiki, XX vek: Sb. M. : AST, 2003.
25. Trubetskoi N. S. Vzglyad na russkuyu istoriyu ne s Zapada, a s Vostoka // Klassika geopolitiki, XX vek: Sb. M. : AST, 2003.
26. Bassin M. Russia between Europe and Asia: The Ideological Construction of Geographical Space // Slavic Review. 1991. T. 50, 1.
27. Laruelle Marlène. Le néo- Eurasisme russe. L'empire après l'empire? Cahiers du Monde Russe 42 (1). 2001. Pp. 71–94.
28. Smith G. The Mask of Proteus: Russia Geopolitical Shift // Transactions of the Institute of British Geographers. 1999. No. 24 (4). Pp. 481–494.
29. Tsyngankov A. Hard-Line Eurasianism and Russia's Contending Geopolitical Perspectives // East European Quarterly. 1998. No. 32 (3). Pp. 320–334.

About the author:

Daria E. Lyubina, Postgraduate Student of Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (Saint Petersburg, Russian Federation); lyubina_de@spbstu.ru